

ЯРОСЛАВ ШИМОВ

АВСТРО- ВЕНГЕРСКАЯ ИМПЕРИЯ

Величайшие империи человечества

Ярослав ШИМОВ

Австро-Венгерская империя

«Алисторус»

2014

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4)

Шимов Я.

Австро-Венгерская империя / Я. Шимов — «Алисторус»,
2014 — (Величайшие империи человечества)

ISBN 978-5-4438-0870-3

Книга посвящена истории становления, развития и упадка многонационального государства, созданного династией Габсбургов в центре Европы в начале XVI века и просуществовавшего вплоть до 1918 г. Австрийская империя (с 1876 г. – Австро-Венгрия) несколько столетий входила в число ведущих европейских держав и сыграла огромную роль в истории Европы. В центре внимания автора – Габсбурги как политики и государственные деятели, способствовавшие объединению множества народов центрально-европейского региона в рамках единого государства. История правящего дома неразрывно и драматично связана с историей европейской политики, начиная с момента создания империи вплоть до ее распада, трагическим символом которого стало убийство в Сараево сербским террористом Гаврилой Принципом эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника имперского престола. Это убийство стало камешком, столкнувшим лавину континентального масштаба. Оно послужило предлогом для Первой мировой войны, кардинально перекроившей политическую карту Европы в начале XX века.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-4438-0870-3

© ШИМОВ Я., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Введение	6
Часть первая	12
Пролог	12
У истоков	12
«Захудалый граф» и его наследник	15
Дела австрийские, дела имперские	17
Рождение империи	21
I. На вершине (1526–1648)	25
Великий неудачник	25
Незаметные императоры	30
Пражский затворник	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ярослав Шимов

Австро-Венгерская империя

Введение

Габсбургам пришлось на протяжении очень долгого времени – с начала XVI столетия вплоть до окончания Первой мировой войны – управлять конгломератом земель, населенных народами, принадлежащими к разным языковым группам – германской, романской, славянской, финно-угорской – и обладающими во многом несхожими культурами. Конечно, подобное разнообразие существовало, например, и в царской России, не говоря уже о британской и французской колониальных империях. Однако во владениях Габсбургов, в отличие от империй колониальных, никогда не было метрополии, и в отличие от империй континентальных, в частности России, – даже преобладающего, государствообразующего этноса. Воплощением метрополии, единственным центром власти здесь являлась именно династия, и преданность ей на протяжении многих столетий буквально заменяла подданным Габсбургов национальную принадлежность. Быть австрийцем при Габсбургах означало быть своеобразным центрально-европейским космополитом. Габсбургским императорам служили выдающиеся государственные деятели и полководцы, представлявшие самые разные народы. Можно назвать хотя бы немцев Тилли, Шварценберга и Меттерниха, чехов (если не по языку и культуре, то хотя бы по происхождению) Валленштейна, Кауница и Радецкого, итальянцев Гаттинару и Евгения Савойского, хорватов Елачича и Бороевича, венгров Тису и Андраши, поляков Седльницкого и Голуховского и многих других.

Сами Габсбурги никогда не забывали о своем германском происхождении; известна фраза императора Франца Иосифа: «Я – немецкий князь». Но большинство из них было чуждо политике германизации, стремлению привести своих подданных к общему немецкому знаменателю. (Исключение составляют отдельные исторические эпизоды – например, усиленная германизация и католизация чешских земель после поражения местных протестантов в

1620 году в битве у Белой Горы). Даже «просвещенный деспот» Иосиф II, самый рьяный германизатор из всех габсбургских монархов, рассматривал немецкий язык в качестве средства укрепления государственного единства, но не подчинения остальных народов империи немецкому меньшинству. Однако объективно германизаторские усилия короны противоречили начавшемуся в конце XVIII века подъему национального самосознания славянских, итальянских, венгерских подданных империи, а потому эти усилия не только не увенчались успехом, но и привели к обострению межнациональных противоречий, в конечном же итоге – к краху империи. Тем не менее уникален сам факт многовекового правления одной династии в столь разнообразных по национальному составу землях, не говоря уже о социальных, экономических, даже климатических различиях между разными регионами империи.

Габсбургам необыкновенно долго удавалось успешно бороться с непобедимым противником – временем. Сформировавшись в XVI–XVII вв., их центральноевропейская империя в не слишком сильно изменившемся с точки зрения территории виде просуществовала до 1918 года, пережив турецкие нашествия, Тридцатилетнюю войну, битвы с Наполеоном, революцию 1848 года – потрясения, которых было бы достаточно для крушения даже менее разнородного по своей внутренней структуре государства. В чем секрет этой небывалой прочности дунайской монархии, созданной Австрийским домом (Casa de Austria)?

Изначально владения династии представляли собой типичный феодальный домен, причем довольно небольшой: к концу XIV века в руках Габсбургов находились лишь несколько стратегически важных, но не самых богатых и плодородных альпийских провинций, которые

так и назывались – *domen Austriae*¹. Подобными владениями, порой гораздо более крупными, располагали и другие королевские фамилии Европы. Например, английской династии Плантагенетов в XIII–XIV вв. принадлежали огромные территории во Франции, которые отдавались в лен (временное владение) вассалам английских королей. Многонациональное государство Габсбургов как таковое возникло в более поздние времена, на заре Нового времени: основу «империи, над которой никогда не заходит солнце», – Нидерланды, Испанию, Чехию и Венгрию – Австрийский дом приобрел благодаря серии династических браков в конце XV – начале XVI вв.

В эту эпоху для европейских стран была характерна четкая сословная социальная структура. Поэтому габсбургские монархи вынуждены были идти на уступки и компромиссы, уважать законы и традиции своих народов, точнее – их сословных элит.

В этом отношении наиболее ярким примером является Венгрия, где австрийская династия удерживалась у власти на протяжении почти четырех веков исключительно благодаря компромиссам с непокорным мадьярским дворянством. Власть Габсбургов в Центральной Европе (испанская ветвь рода вымерла в 1700 году, и Испания с колониями перешли к Бурбонам) можно поэтому без особой натяжки назвать наследственно-договорной – особенно после того, как в начале XVIII века суверенные права австрийского дома в его владениях и порядок наследования престола были сформулированы в Прагматической санкции императора Карла VI и официально одобрены сословными собраниями габсбургских земель. «Было установлено, что до тех пор, пока австрийским домом является династия Габсбургов, Прагматическая санкция остается в силе и все габсбургские земли принадлежат одному государю»². Этот договор и стал важнейшим залогом небывалого политического долголетия австрийской династии.

Другим фактором, который помогал Габсбургам на протяжении многих веков оставаться в центре европейской истории, являлся тот сакральный ореол, которым сумела окружить себя династия. Конечно, «божественное право королей» вплоть до эпохи буржуазных революций служило основанием монархической власти по всей Европе. Однако Габсбурги дополнили «милость Божию» историческим, политическим и идеологическим авторитетом императоров Священной Римской империи, сделав после 1437 года этот средневековый титул наследственным в Австрийском доме. Хотя стать объединителями Германии Габсбургам так и не удалось, а после Тридцатилетней войны (1618–1648) круг реальных властных полномочий императора неуклонно сужался, сама древняя корона универсальной западнохристианской империи придавала власти Габсбургов дополнительный блеск и некую высшую легитимность.

Особое положение Габсбургов среди европейских правящих династий закрепили события второй половины XVII века, когда императорские армии сыграли ведущую роль в разгроме турок и прекращении опустошительной экспансии Османской империи в Европе.

Однако внутренняя слабость государства, построенного Габсбургами в своих наследственных землях и отвоеванных у турок областях, не позволила им в начале XVIII века превратить его в первоклассную европейскую державу. Более того, в середине того же столетия конгломерат габсбургских земель едва не распался под ударами новых внешних врагов, самым опасным из которых стала Пруссия. Перед династией встал выбор: или продолжение борьбы за доминирование в Германии – с неясными перспективами и небольшими надеждами на успех, – или укрепление наследственных земель. Габсбурги, всегда отличавшиеся прагматизмом, предпочли второе, сохранив за собой до 1806 года титул германского императора лишь как знак своего номинального первенства среди немецких князей. (Впрочем, последние отго-

¹ Подробнее см.: Петров Е.В. Австрийское государство в X–XIV вв. Формирование территориальной власти. М., 1999.

² Капп R.A. The Multinational Empire: Nationalism and the National Reform in Habsburg Monarchy. New York, 1950. Vol. 1. P. 11.

лоски борьбы за первенство в бывшей Священной Римской империи утихли только 60 лет спустя, после поражения Габсбургов в «семинадельной» австропрусской войне).

Помимо этого геополитического выбора очень важное значение для укрепления империи Габсбургов имели радикальные реформы, осуществленные в XVIII веке Марией Терезией и Иосифом II. Государство, объединенное ранее лишь династическим принципом, понемногу обрело большее единство, которое, однако, носило исключительно правовой и государственно-бюрократический характер. Для наступавшей новой эпохи этого было уже недостаточно. Новые времена ознаменовались промышленной революцией, урбанизацией и как следствие этих процессов – появлением новых социальных групп со своими экономическими интересами, политическими целями и идеологией. Отныне не столько династия создавала империю, сколько общество, изменившееся под влиянием новых социальных явлений и процессов, формировало облик габсбургского государства. Династия была вынуждена приспосабливаться к социально-политической эволюции, к постепенному и часто воспринимавшемуся Габсбургами как нежелательному перерождению дворянско-бюрократической монархии, которая сложилась при «просвещенных деспотах», в монархию либерально-конституционную, сословного общества – в классовое, а «безмолвствующих» народов эпохи *ancien regime* – в современные нации.

Именно национализм, порожденный эпохой промышленной революции, массового образования и либеральных идей, стал демоном дунайской монархии. В длительной борьбе с ним Габсбургам, при всей их удивительной политической гибкости, не удалось одержать победу. Хотя временами казалось, что государство, созданное Австрийским домом, будет вечным – именно потому, что эта династия, как уже было сказано, не олицетворяла собой никакую нацию. Такое положение позволяло австрийским императорам очень продолжительное время, с одной стороны, играть роль верховных арбитров в спорах между подвластными им народами, а с другой – олицетворять историческую традицию, служить воплощением преемственности и связи времен, что способствовало сохранению хрупкого единства Центральной Европы, главным гарантом которого и была династия Габсбургов. Очевидно, именно поэтому Австрийский дом сумел в эпоху электричества, телефона, автомобилей и аэропланов сохранить свое огромное поместье, именовавшееся Австрийской империей, а с 1867 года – Австро-Венгрией. Впрочем, кажущаяся «вечность», по мнению знаменитого английского историка А. Тойнби, – визуальный эффект, свойственный многим империям на стадии упадка: «Универсальное государство обнаруживает тенденцию выглядеть так, словно оно и есть конечная цель существования, тогда как в действительности оно представляет собой фазу в процессе социального распада»³.

Однако «дуализация» монархии, так называемый *Ausgleich*, т. е. уравнивание Венгерского королевства в правах с западной частью страны, управлявшейся из Вены, говорило о том, что даже Габсбурги не в силах постоянно побеждать в схватке со временем. С этого момента дунайская монархия перестала быть классической империей, а габсбургский император из носителя высшей абсолютной власти превратился лишь в один из политических институтов двуединого государства. Имперские атрибуты внешней власти и великодержавная внешняя политика все менее соответствовали внутренней сути дуалистической монархии. В ее восточной части мадьярская политическая элита пыталась создать национальное государство на территории исторической Венгрии, населенной представителями двух десятков национальностей, в западной же шла неустанная борьба за доминирование между австрийскими немцами и славянами. Разрешить противоречие между имперской формой и постимперским содержанием своего государства Габсбурги оказались не в состоянии.

³ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 485–486. Berenger J. A History of the Habsburg Empire, 1700–1918. L. New York, 1997. P. 288.

Единство Австро-Венгрии могло быть сохранено лишь в том случае, если бы преимущества совместного существования народов Центральной Европы оказались соединены с удовлетворением их стремления к самостоятельности. Это могло произойти в рамках федерации или конфедерации, основанной на принципах демократии и самоуправления, – хоть и с сохранением монархии как высшего авторитета и символа исторической преемственности. Однако создание такого государственного образования оказалось невозможным по многим причинам, среди которых не последнее место занимал консерватизм австрийской династии, оказавшейся неспособной преобразовать созданное ею государство из инкубатора народов, каковым оно было в XVIII – первой половине XIX веков, в их общий дом.

Впрочем, история – открытый процесс, поэтому исторические события очень редко бывают стопроцентно предопределены. Полвека истории Австро-Венгрии дали такое количество аргументов «за» и «против» участникам спора о том, был ли неизбежен крах дунайской монархии, что однозначный ответ на сей вопрос, очевидно, не будет дан никогда. Ясно лишь, что государство Габсбургов было живым, развивающимся организмом, отягощенным множеством внутренних и внешних проблем, для разрешения которых от правящей династии и ее советников требовалась настоящая политическая виртуозность. Временами властям монархии удавалось ее проявить. Однако в 1914 году, втянувшись – отчасти по своей воле, отчасти в силу обстоятельств – в войну с Сербией, быстро переросшую в европейский и мировой конфликт, Габсбурги совершили ошибку, которая перечеркнула все их достижения. Престарелый император Франц Иосиф и большинство его советников по-прежнему мыслили категориями «концерта европейских держав» в том виде, в каком он существовал в начале и середине XIX столетия. Династия и дворянско-бюрократическая элита, как австрийская, так и венгерская, словно бы не заметили выхода на историческую сцену новых сил, превращения европейского общества в массовое (в социально-психологическом смысле), в котором традиционные элиты и созданные ими институты уже не могли играть доминирующую роль.

Вступая в свою последнюю войну, Габсбурги не предполагали, что очередная схватка империй и династий выльется не просто в небывалый по масштабам конфликт, а в столкновение идеологизированных масс, битву за выживание, в которой побежденные не могли рассчитывать на снисхождение и справедливые условия мира. К концу войны Центральные державы – Германия и Австро-Венгрия – стали для своих западных противников не просто врагами, а олицетворением тех принципов, которым, по мнению идеологов победившей Антанты, не было места в новой Европе – монархического традиционализма, христианского консерватизма и милитаризма. С конца XVIII века, со времен Великой французской революции, Габсбурги являлись последовательными противниками революционного радикализма, что не мешало им проводить умеренно-либеральные преобразования в собственном государстве. Битва с революцией, начатая в 1792 году у бельгийской деревушки Вальми, где австрийские войска впервые столкнулись с армиями Французской республики, закончилась в 1918 году поражением Габсбургов. «Политическая катастрофа [Австро-Венгрии] во многом объясняется внешними факторами, триумфом принципов Французской революции, который стал результатом многолетней борьбы»⁴. Схватка с временем была проиграна, и историкам остается лишь спорить, имелись ли у Австрийского дома шансы все-таки победить в ней.

* * *

Помимо двух вышеперечисленных исторических факторов, выделяющих Габсбургов среди монархических династий Европы, необходимо отметить и некоторые другие факторы более частного характера.

⁴ Berenger J. A History of the Habsburg Empire, 1700–1918. L. New York, 1997. P. 288.

Прежде всего это необыкновенная сплоченность и, если можно так выразиться, дисциплинированность австрийской династии. Тысячелетняя история Габсбургов насчитывает совсем немного примеров открытых конфликтов и междоусобиц. Можно, конечно, упомянуть убийство в 1308 году германского короля и австрийского герцога Альбрехта I его племянником Иоганном, прозванным Отцеубийцей (*Parricida*), – но это будет едва ли не единственный случай, когда Габсбург, вдобавок младший по возрасту и положению в семье, поднял руку на другого Габсбурга. Можно вспомнить и выступление эрцгерцога Матиаса в 1606 году против старшего брата, императора Рудольфа II, но этот «бунт» был во многом вызван явной неспособностью Рудольфа к делам государственного управления и одобрен подавляющим большинством членов Австрийского дома.

На протяжении столетий авторитет главы рода был среди Габсбургов непререкаем. Это нередко приводило к конфликтам и даже личным трагедиям. Два ярких примера – история кронпринца Рудольфа, сына Франца Иосифа, так и не нашедшего общий язык с холодным, «застегнутым на все пуговицы» отцом, и отношения того же Франца Иосифа с племянником и наследником Францем Фердинандом д'Эсте, резко осложнившиеся в связи с неравным браком последнего. С другой стороны, авторитарность августейшей семьи приносила ей и неоспоримые политические выгоды. Так, Иосиф II, будучи в 1765–1780 годах соправителем своей матери Марии Терезии, не был согласен с ней по большинству вопросов государственной политики, но в силу семейных традиций вынужден был подчиняться, за счет чего сохранялось единство в управлении империей. Впрочем, Габсбурги умели и договариваться полюбовно – возьмем хотя бы мирный раздел огромных владений династии при Карле V между ее испанской и австрийской ветвями.

Кроме того, удивительной особенностью этой выдающейся семьи является то, что по большей части она состояла из людей совсем не выдающихся. Конечно, незаурядные личности в истории габсбургской династии были – можно назвать Максимилиана I, Карла V, Марию Терезию, Иосифа II, эрцгерцога Карла, однажды победившего самого Наполеона, Франца Фердинанда д'Эсте и некоторых других. Но гигантов, давших имя целой эпохе, великих полководцев и дипломатов, фигур масштаба Густава Адольфа Шведского, Людовика XIV, Петра I, Фридриха II Прусского или Наполеона среди Габсбургов не замечено. Недаром ни за одним из них в истории не закрепилось прозвище Великий.

Эта династия велика именно как династия, мощный и отлаженный семейный механизм, работа которого была направлена на достижение одной цели – укрепление и расширение наследственных владений, увековечение господства Габсбургов в центре и на юго-востоке Европы. Эту интеграционную, объединительную задачу можно назвать Делом Габсбургов. На первый взгляд дело это провалилось, хоть и оставило очень глубокий след в истории множества европейских стран и народов. С другой стороны, можно сказать, что Дело Габсбургов удивительным образом прорастает в нашу эпоху, когда Европа вновь объединяется. Хотя принципы этого объединения заметно отличаются от тех, на которых основывалась многонациональная империя Габсбургов, ее уникальный опыт не может не заслуживать внимания. Как отмечает британский историк Алан Скед, «в эпоху, когда Европа, пусть и довольно несмело, пытается объединиться, весьма неразумно (особенно для человека, живущего в Восточной Европе) пренебрегать историей крупнейшей европейской многонациональной империи»⁵.

Новейшая история показала: в 1918 году вместе с водой был выплеснут и ребенок, в жертву национализму оказались принесены не только Австро-Венгрия, монархический принцип и династия Габсбургов как его носитель, но и веками создававшиеся и укреплявшиеся культурные, экономические и политические связи между народами центрально-европейского

⁵ Sked A. Upadek a pad habsburske rise. Praha, 1995. S. 13.

региона. Это не принесло всей Европе ничего, кроме бед – вначале нацистской экспансии, а затем 40 лет коммунистического господства.

Чем интересна история Австрийского дома, который уже почти сто лет не является правящим, для современного российского читателя – не только профессионального историка, но и просто человека, интересующегося тем, как и почему современный мир стал таким, каков он есть? На мой взгляд, изучение жизни соседей в отдаленном и недавнем прошлом всегда помогает лучше понять не только их, но и самих себя. Российская империя и сменивший ее Советский Союз, как и монархия Габсбургов, были многонациональными государствами, причем взаимоотношения между народами каждого из этих государств нередко оставляли желать лучшего. Современная Россия тоже многонациональна, а процесс ее избавления от негативных элементов имперского наследия далеко не завершен. Поэтому, несмотря на прошедшие годы, опыт Габсбургов как политиков и правителей, возглавлявших сообщество разнородных наций, достижения и ошибки австрийского дома представляют интерес и остаются актуальными по сей день, особенно для России.

Другой важный момент – уже упомянутое географическое и историческое соседство России и придунайской Европы. Габсбурги и их государство были достаточно тесно связаны с Россией – если не династическими узами⁶, то военными союзами, политическими и торговыми соглашениями, оказавшими заметное влияние на историю обеих империй и их народов. Были в истории наших государств и периоды охлаждения, и времена взаимной вражды. Последнее такое столкновение – мировая война 1914–1918 годов – привело монархии Габсбургов и Романовых к краху. Распад их империй стал одним из важнейших факторов, определивших судьбу всей Европы в XX столетии.

В этих событиях, последствия которых мы в той или иной мере ощущаем до сих пор, значительную роль сыграли как глубинные социальные процессы и вызванная ими расстановка общественно-политических сил, так и отдельные личности, оказавшиеся в решающий момент на сияющей, но опасной и скользкой вершине власти, достоинства и недостатки, величие и глупость этих людей. С философской точки зрения можно сказать, что именно вечному вопросу о личности и ее роли в истории посвящена эта книга.

Тот факт, что Габсбургам удалось закрепиться на пространстве от Альп до Трансильвании и от Галиции до Далмации, дать народам, населяющим это пространство, общие государственно-правовые рамки и создать условия для их экономического, политического и культурного сотрудничества (а позднее и соперничества), стал определяющим для дальнейшего развития Центральной Европы. Можно сказать, что Центральная Европа в историко-политическом и отчасти культурном смысле является следствием взаимодействия австрийской династии и народов региона, плодом их исторического брака, который был заключен скорее по расчету, чем по любви, но оказался на удивление долгим и прочным. Таким образом, задачу, которую попытался решить автор этой книги, можно сформулировать следующим образом: написать очерк истории Центральной Европы в XVI–XX веках, сделав его главными героями Габсбургов и их народы, взаимоотношения между которыми не только определили облик и историческую судьбу данного региона, но и в значительной степени отразились на ходе европейской и мировой истории.

⁶ Единственный брак, заключенный между представителями Габсбургов и Романовых, – женитьба в 1799 году палатина (наместника) Венгрии эрцгерцога Иосифа, сына императора Франца II, на дочери Павла I Александре; юная эрцгерцогиня умерла при родах, не дожив и до 18 лет. Много позднее, в 1953 году, Рудольф, младший сын последнего австрийского императора Карла, женился на русской аристократке Ксении Безобразовой. Этим история «русских» браков в Австрийском доме пока исчерпывается.

Часть первая Династия

Пролог (Середина X в. – 1526)

У истоков

Вопрос о происхождении Габсбургов довольно запутан и окутан мифами, многие из которых создавались намеренно – для решения политических задач той или иной эпохи, оправдания династической политики или создания видимости исторической преемственности с народами, правителями и традициями минувших времен. Самая ранняя из таких версий, возникшая в конце XIII – начале XIV века, связывала Габсбургов со старинным римским патрицианским родом Колонна, который, в свою очередь, вел свое происхождение ни больше ни меньше как от римской императорской династии Юлиев, т. е. от Гая Юлия Цезаря. В тот момент Габсбурги нуждались в столь высоком «родоначальнике», поскольку избрание в 1273 году германским королем Рудольфа Габсбурга, не принадлежавшего к числу знатнейших европейских вельмож, не избавило его от репутации «захудалого графа». Габсбурги как новая, молодая королевская династия строили историко-идеологический «фундамент» своего взлета к вершинам власти, и римское происхождение годилось для этого как нельзя лучше.

Позднее, однако, возникла другая теория – франкская, согласно которой предками Габсбургов были короли франков из династии Меровингов (V–VIII вв.). Через них корни габсбургского рода уходили, согласно этой теории, к героям античных мифов – легендарному Энею и троянцам. «В то время как римская теория... делала упор на *Urbis aeterna*⁷, франко-троянская версия означала союз с западом и одновременно попытку Габсбургов легитимизировать свои притязания в качестве соперников французского королевского дома и подлинных наследников Каролингов и Меровингов»⁸. Неудивительно, что этой концепции отдавал предпочтение император Максимилиан I Габсбург, который в конце XV – начале XVI века в качестве наследника бургундских герцогов вел борьбу с французскими королями из рода Валуа.

Наконец, третья теория, возникшая в начале XVIII века благодаря генеалогическим изысканиям ганноверского библиотекаря Иоганна Георга Эккарда и ученого монаха Маркарда Херрготта, называла в качестве предков габсбургской династии герцогов Алеманских, изначально – вождей группы германских племен, область обитания которых впоследствии вошла в состав империи Карла Великого. Алеманские герцоги считались общими предками Габсбургов и герцогов Лотарингских. После того, как в 1736 году дочь и наследница императора Карла VI Мария Терезия вышла замуж за Франца Стефана Лотарингского, использование этой версии «придавало новому Габсбургско-Лотарингскому дому освященность исторической традицией и божественным предопределением»⁹. Кроме того, эта теория служила идеологическим обоснованием тогдашних габсбургских претензий на верховенство в германских землях: кому же, как не потомкам древних германских князей, надлежало править Германией?

⁷ Вечный город (лат.), т. е. Рим.

⁸ Wandruszka A. The House of Habsburg. Ц 1964. R 17

⁹ Wandruszka, p. 19.

«Утилитарное» предназначение всех трех генеалогических древ, которые так здорово вписывались в контекст современной этим теориям габсбургской политики, заставляет усомниться в достоверности каждого из них. Уходя корнями в период раннего Средневековья, бедного на документы и достоверные свидетельства, вопрос о происхождении Австрийского дома, очевидно, навсегда останется открытым. Историкам приходится вести отсчет с середины X столетия, когда жил первый Габсбург, о реальности существования которого можно говорить с высокой степенью уверенности (впрочем, и не Габсбург еще, ибо само это географическое название, давшее имя династии, появится позднее).

Герб Габсбургов

Это был некто Гунтрам Богатый, судя по прозвищу, человек достаточно зажиточный и (уже тогда) знатного рода – в противном случае он вряд ли привлек бы к себе внимание императора Оттона I, наиболее примечательного западноевропейского монарха того времени. В 952 году Оттон сурово наказал Гунтрама, лишив его имущества за измену. Ирония судьбы: Гунтрам вошел в историю как противник германского императора – обладателя того самого титула, который впоследствии будут носить 19 потомков этого прародителя Габсбургов.

То ли опала и, выражаясь современным языком, конфискация имущества, которой подвергся Гунтрам Богатый, не была полной, то ли сам первый Габсбург и его потомки проявили недюжинную энергию в восстановлении утраченного богатства и приобретении нового, но, как бы то ни было, род эльзасских землевладельцев не затерялся во мгле средневековой истории, а, наоборот, от поколения к поколению приобретал все больший вес, влияние и известность.

В конце X века Габсбурги появляются в Швейцарии. Сын Гунтрама Ландольт, по одним сведениям, купил, по другим – просто захватил земли на территории нынешнего кантона Арау. Его сын Ратбод основал в Мури, в 30 километрах от Цюриха, монастырь, где впоследствии было похоронено большинство представителей старших поколений Габсбургов. В 1023 году Ратбод упоминается в одной из местных хроник как «граф фон Клеттгау» (область к северу от верховьев Рейна). Примерно в это же время он заложил замок Хабихтсбург («Ястребиный замок»), название которого позднее трансформировалось в Габсбург и дало имя всей династии. По средневековому обычаю перед смертью Ратбод разделил имущество между своими сыно-

вьями. Самый известный из них, Вернер (ум. 1096), перестроил монастырь в Мури и был активным участником конфликтов между римскими папами и императорами «Священной Римской империи». Интересно, что Габсбурги вновь выступили против императорской власти: Вернер был сторонником папы.

Его сын Отто (ум. 1111) может считаться первым «настоящим» Габсбургом, поскольку именно он стал именоваться графом фон Габсбург – по названию родового гнезда. При нем, его сыновьях и внуках семья неуклонно укрепляла свои позиции среди германской знати. Альбрехт, внук Отто, был в неплохих отношениях с императором Фридрихом Барбароссой, который отдал ему значительную часть выморочных владений графского рода Ленцбургов в нынешних кантонах Швиц, Унтервальден и Люцерн. Постепенно Габсбурги превратились в наиболее крупных землевладельцев северной Швейцарии. Сын Альбрехта Рудольф приплюсовал к этим поместьям земли в Швабии, переданные ему императором Фридрихом II, на сторону которого в междоусобной войне, сотрясавшей Германию, расчетливый Габсбург успел вовремя перейти.

В следующем поколении род Габсбургов впервые разделился на две ветви. Сыновья Рудольфа, еще один Рудольф и Альбрехт (эти имена будут повторяться в роду Габсбургов, переходя из поколения в поколение), поделили между собой родовые земли. Альбрехт стал родоначальником главной, или королевской, линии, к которой принадлежали последующие короли и императоры. Рудольф основал младшую, лауфенбургскую ветвь династии, пресекшуюся в 1415 году. К тому времени Габсбурги были хоть и достаточно богатой и сильной, но все же второразрядной по имперским масштабам семьей. Они не принадлежали к избранному кругу имперских князей-курфюрстов, не имели связей с царствующими домами Европы, а их земли были не отдельным княжеством, а набором рассыпанных по центру Европы, от верхнего Эльзаса до Швейцарии, относительно небольших ленных и наследственных владений.

В то же время с каждым поколением социальный статус Габсбургов повышался, а их влияние росло. Альбрехт IV (ум. ок. 1240) располагал значительными связями при императорском дворе, некоторое время служил комендантом крепости Страсбург и, наконец, заключил выгодный брак с представительницей рода Кибургов – наиболее влиятельного, наряду с самими Габсбургами, семейства в тогдашней Швейцарии. Это один из первых примеров знаменитой брачной политики Габсбургов, выраженной впоследствии лозунгом *Bella gerant alii, tu felix Austria nube* («Пусть воюют другие, ты, счастливая Австрия, заключай браки»). Эта династия всегда предпочитала добиваться приращения своих владений путем выгодных с политической точки зрения брачных союзов. Впрочем, как мы увидим дальше, в случае необходимости воевать Габсбурги тоже умели – и именно мечом добыли себе «счастливую Австрию», ставшую на 600 с лишним лет сердцем их обширных владений.

В 1218 году у Альбрехта IV родился сын Рудольф. Ему предстояло первым из Габсбургов носить корону Священной Римской империи. Но это, как оказалось, было отнюдь не венцом семейных успехов, а скорее первым промежуточным финишем – и в то же время началом восхождения Габсбургов к европейскому господству.

Что же представляла собой к тому времени Священная Римская империя? Сточки зрения идеологической она была непосредственной наследницей западноевропейской державы, созданной в конце VIII – начале IX вв. Карлом Великим. После смерти этого государя, попытавшегося на новой, христианской основе воплотить в жизнь античный идеал всемирной империи, его потомки довольно быстро, в течение нескольких десятилетий, промотали доставшееся им наследие. Династия Каролингов утратила реальную власть, превратившись в заложницу крупной знати. Потерял свое значение и императорский титул, который в начале X века перешел к личностям совсем уж незначительным, вроде североитальянских князей Людовика Слепого и Беренгара I. После смерти последнего в 924 году империя в Западной Европе фактически прекратила существование.

Однако 30 с небольшим лет спустя честолюбивый саксонский герцог Оттон, ставший королем Германии, т. е. главой федерации нескольких герцогств, возникших на базе германских племенных объединений, возродил величие империи Карла Великого. Разгромив венгров, угрожавших тогда германским землям, усмирив – отчасти силой, отчасти с помощью союзов и династических браков, – своих противников в самой Германии, Оттон совершил победоносный поход в Италию и в начале 962 года вступил в Рим. 2 февраля папа Иоанн XII короновал Оттона I, провозгласив его «императором и августом», как некогда Карла Великого, а еще раньше – римских императоров. Это событие считается началом истории Священной Римской империи германской нации, хотя само это название утвердилось в официальных документах и исторических хрониках значительно позже – уже при Габсбургах, с которыми связан расцвет, упадок и исчезновение империи.

Система государственного устройства империи, основанной Оттоном, осталась той же, что и в Германском королевстве, которое превратилось в ядро новой монархии. Король (титул императора он принимал только после коронации папой в Риме) был фигурой выборной, за его кандидатуру голосовали курфюрсты (князья-избиратели), которыми первоначально являлись пять германских герцогов. Позднее курфюрстами стали также чешский король и несколько иерархов германской церкви. Общее число членов этой своеобразной коллегии выборщиков достигло семи, а затем, уже в XVII веке, девяти. С начала XVI века папы позволяли германским («римским») королям принимать императорский титул даже без коронации в Риме (первым таким некоронованным императором стал Максимилиан I). Впоследствии, начиная с Карла V, габсбургские императоры добились того, что коллегия курфюрстов еще при жизни монарха выбирала его преемника с титулом римского короля (обычно им становился старший сын императора). Этот титул, как правило, сочетался с титулами короля Венгерского и Чешского. После смерти или отречения императора римский король обычно без особых проблем избирался его преемником. Такая схема престолонаследия действовала до самого конца «Священной Римской империи» в 1806 году с единственным «сбоем» – в 1740 году, когда императорская корона была на несколько лет «похищена» у Габсбургов баварским курфюрстом Карлом Альбрехтом, ставшим императором Карлом VII (см. раздел III, главу «Королева в кольце врагов»). На первый взгляд, выборность германских императоров и королей ослабляла их власть и делала государей марионетками крупной знати. Часто так и бывало. Но известно немало случаев, когда сильным королям и императорам (Оттону I, Генриху IV, Фридриху Барбароссе) удавалось подчинить курфюрстов и большинство остальных князей своей воле и добиться заметной централизации имперских земель. Позднее, начиная с XV века, процедура выборов императора, как мы увидим, не мешала Габсбургам из поколения в поколение удерживать корону, передавая ее от отца к сыну, от дяди к племяннику... Да и до Габсбургов то же самое удавалось императорам Саксонской, Салической династий и Гогенштауфенам. Римско-германский император (слово «Римская» в названии империи указывало на преемственность императорской власти по отношению к античному Риму) считался первым монархом западнохристианского мира, но по-настоящему единым, централизованным государством «Священная Римская империя» так и не стала. Причины этого, однако, нельзя сводить исключительно к выборности государя – они были гораздо более многообразными.

«Захудалый граф» и его наследник

В 1273 году под давлением папской курии курфюрсты избрали новым королем Рудольфа I Габсбурга, вошедшего в историю своей династии под именем Рудольфа Старшего. Он был коронован в Аахене – древней столице Карла Великого.

К тому времени Рудольф был самым влиятельным вельможей в юго-западной части Германии (если понимать под этим названием все территории, где говорили по-старонемецки).

Тем не менее Габсбурги, как уже говорилось, не относились тогда к числу знатнейших германских династий, и неожиданный выбор курфюрстов объяснялся политическими мотивами. Во-первых, Рудольф был для них компромиссной фигурой, а во-вторых, как полагали курфюрсты, он не обладал достаточным влиянием для того, чтобы вести в империи успешную централизаторскую политику, которая угрожала бы интересам крупной феодальной знати. Наконец, существовала и третья причина, по которой курфюрсты предпочли видеть на троне «захудалого графа». Это был страх перед чешским монархом Пржемыслом Отокаром II – «королем железным и золотым», как называли его на родине за военную мощь и богатство.

Держава Пржемысла Отокара включала в себя не только чешские, но и многие польские земли, а также часть территорий нынешних Венгрии, Хорватии и Словении – вплоть до побережья Адриатического моря. После того, как в 1250 году пресеклась герцогская династия Бабенбергов, правившая в Австрии («Восточной марке» – Ostmark, появившейся в XII веке на юго-восточной границе империи), чешский король присоединил их земли к своим владениям – поскольку к тому времени ослабла императорская власть, которая по существовавшим правилам могла распоряжаться доменами, оставшимися без господ. Претензии Пржемысла Отокара II на Австрию основывались на том, что он был женат на Маргарите – сестре последнего Бабенберга.

Дальнейшие взаимоотношения чешского и германского королей развивались в соответствии с поговоркой о двух медведях в одной берлоге. Столкновение было неизбежно, и формально спровоцировал его Рудольф, обвинивший чешского короля – в связи с захватом Австрии – в нарушении ленного права. Решающая битва произошла 26 августа 1278 года на Моравском поле. Она имела очень важное значение в истории Центральной Европы. Проиграв Рудольф – и его род, вполне вероятно, навсегда сошел бы с исторической сцены. Выиграв чешский король – и его страна стала бы великой европейской державой. Удача сопутствовала Рудольфу: Пржемысл Отокар пал в бою, и его армия, оставшись без командующего, пришла в смятение и была рассеяна рыцарями Рудольфа.

Победа на Моравском поле имела множество исторических последствий. Прежде всего, она стала важной составной частью мифологии габсбургского рода, поскольку явилась первой крупной битвой, выигранной представителем этой династии, – значение же военных побед для массового сознания средневековой эпохи не нуждается в комментариях. Кроме того, это сражение привело к окончательному включению чешских земель в состав Священной Римской империи. Наконец, победив Пржемысла Отокара, Рудольф Габсбург получил возможность закрепить за своей семьей Австрию – как оказалось, на целых 640 лет. В 1281 году на съезде князей в Аугсбурге австрийские герцогства были переданы сыновьям Рудольфа как ленное владение. Нужно заметить, что, говоря об Австрии применительно к XIII – началу XIV вв., мы, конечно, не имеем в виду всю территорию, занимаемую нынешней Австрийской республикой. Речь идет главным образом о Верхней и Нижней Австрии – ядре австрийских земель с центром в Вене, – а также Штирии, перешедших к Рудольфу и его сыновьям после поражения Пржемысла Отокара II. Остальные альпийские княжества – Каринтию, Зальцбург, Крайну, Тироль – Габсбурги подчинили своей власти значительно позже.

Король Рудольф так и не был коронован папой и потому не мог называться императором. Скарედность короля и его чрезмерная забота об интересах своей семьи, которые Рудольф явно ставил выше интересов империи, привели к тому, что к началу 90-х гг. его популярность среди немецких князей заметно упала. Последние годы жизни Рудольф провел в Вене и Штайре. С годами он становился все более набожным и сентиментальным. Надгробие Рудольфа I, скончавшегося 15 июля 1291 года, представляет собой статую пожилого человека в королевском одеянии, с вытянутым лицом, крупным носом и глубокими складками у рта, придающими ему печальное выражение. Длинное лицо и большой нос – родовые габсбургские черты, которые будут передаваться из поколения в поколение.

Рудольф I не был самым выдающимся из германских императоров и королей. Тем не менее о его правлении часто вспоминали с теплотой. В средневековой хронике Элленгарда говорится, что «при Рудольфе во всех частях Германии царил такой мир, какого она раньше не знала». Мастер интриг и компромиссов, искушенный политик, Рудольф умел смотреть в лицо опасности и стойко переносить испытания. Он несколько укрепил расшатавшееся здание империи и, главное, заложил основу будущего могущества Габсбургов, сделав их одними из вершителей судеб Германии и Европы. О том, как оценивали роль Рудольфа I последующие поколения, свидетельствует замечание Наполеона, говорившего о себе: «Я – Рудольф Габсбург своей династии».

Несмотря на противодействие курфюрстов, старшему сыну Рудольфа, Альбрехту, в конце концов удалось заполучить германскую корону. Этот воинственный человек, чьим девизом было *Fugam victoria nescit* («Победе чужды отступления»), предпочитал не развязывать, а рубить гордые узлы политических интриг феодальной эпохи. В 1298 году в битве при Гелльхайме Альбрехт разгромил и собственноручно убил своего соперника, тогдашнего короля Адольфа фон Нассау, и вынудил курфюрстов избрать себя новым германским монархом. Деятельный и страшноватый¹⁰ Альбрехт заметно усилил позиции своего рода в Австрии, где Габсбургов до сих пор воспринимали как чужаков, и попытался закрепить за своим потомством Чехию, где в 1306 году пресекался род Пржемысловичей. Чешская знать не горела желанием видеть корону св. Вацлава на голове кого-либо из Габсбургов, и начался долгий конфликт. Собирая войска для очередного похода на Чехию, король Альбрехт 1 мая 1308 года был убит в своих родовых владениях группой заговорщиков во главе с собственным племянником, 18-летним Иоганном. Тот давно затаил обиду на дядю, не спешившего передать ему наследство, оставшееся после ранней смерти отца Иоганна. После убийства тому удалось скрыться, но новый король, Генрих VII Люксембург, предал Иоганна проклятию и отдал приказ о его розыске. Где и как прошли последние годы жизни злосчастного убийцы, точно не известно. Для Габсбургов он стал едва ли не самой темной фигурой в истории рода, поскольку открытый бунт против главы семьи, а тем более убийство последнего, были для этой династии делом исключительным, практически невозможным. Недаром «только в XV столетии имя Иоганн снова было дано одному из членов габсбургского рода»¹¹.

Смерть Альбрехта I имела негативные последствия для Габсбургов. Реализовать мечту о создании единого мощного королевства с крепкой наследственной властью Альбрехт не успел. После смерти короля ни одному из его сыновей не удалось добиться германской короны: курфюрсты слишком опасались дальнейшего усиления Габсбургов. Династия оказалась если не отброшена на вторые роли (после Рудольфа I и Альбрехта I это было уже невозможно), то по крайней мере вновь стала лишь одним из нескольких могущественных родов, боровшихся за доминирование в Центральной Европе. Кроме того, владения Габсбургов на юго-западе Германии и в Швейцарии пришли в упадок, что способствовало концентрации усилий рода на укреплении своих позиций в Австрии, которая теперь уже окончательно стала главной опорой династии.

Дела австрийские, дела имперские

После смерти Альбрехта I его сыновья, австрийские герцоги Фридрих Красивый и Леопольд, пытались бороться за германскую корону, но неудачно: от нее Габсбургов оттеснили вначале Люксембургу а затем баварская династия Виттельсбахов, глава которой Людвиг IV в

¹⁰ В одном из боев он получил тяжелое ранение, потеряв глаз и обзаведясь уродливым шрамом через пол-лица – поэтому иногда этого короля называли Альбрехтом Одноглазым.

¹¹ Wheatcroft A. The Habsburgs: Embodying Empire. L., 1996. P. 35.

1322 г. разбил Фридриха и Леопольда в битве у Мюльдорфа. Кстати, выбор Альбрехтом I имен для своих сыновей не случаен: Фридрихами и Леопольдами были многие Бабенберги, представители прежнего австрийского герцогского рода, вымершего в середине XIII века. Называя собственных потомков в честь представителей первого австрийского герцогского рода, Альбрехт хотел символически породниться с Австрией, завоеванной его отцом.

Убийство короля Альбрехта I.

Иллюстрация из «Хроника 95 господ» Л. Штейнройтера. Конец XIV века

XIV век, несмотря на вынужденный уход в тень, однако, не был для Габсбургов потерянным временем. Один из австрийских герцогов, вошедший в историю под именем Рудольфа Основателя, с юных лет отличался бешеным честолюбием. Он мечтал не только о дальнейшем расширении габсбургских владений, но и о возвращении своей семьи на первые роли в империи. Несколько раз, ссылаясь на некие древние традиции и якобы данные прежними императорами обещания, Рудольф присваивал себе титулы, на которые не имел ни малейшего права. Он пытался воссоздать древнее Швабское герцогство и стать его правителем, а когда это не удалось, объявил себя не просто герцогом, а *великим* герцогом Австрийским – небольшая, но все же ступенька в иерархии титулов, приближавшая честолюбивого Габсбурга к королевскому достоинству.

Вершиной проделок Рудольфа стало «обнаружение» целой серии «древних» документов, в которых выдающиеся монархи прошлого, вплоть до Юлия Цезаря и Нерона, якобы представляли владельцам австрийских земель различные привилегии и всячески возвышали их между прочими своими подданными. Подлинность этих творений вызывала сильные сомнения уже у современников, в том числе у императора Карла IV из рода Люксембургов, позднее же была доказана их несомненная подложность. Наиболее искусным образом был подделан действительно существовавший документ – рескрипт императора Фридриха Барбароссы, называвшийся *Privilegium minus* и датированный 1156 годом. В нем император повысил статус Восточной марки (Австрии), сделав ее герцогством. Фальсификат, получивший название *Privilegium maius*, представлял собой «исправленное и дополненное» распоряжение Барбароссы, на основании которого Рудольф и присвоил себе титул великого герцога.

Для своих подданных беспокойный и болезненно самолюбивый герцог был, однако, довольно неплохим правителем. Во всяком случае, жители Вены могут быть благодарны Рудольфу хотя бы за перестройку (фактически возведение заново) великолепного собора святого Стефана, одной из главных достопримечательностей австрийской столицы. Историческое же значение недолгого правления Рудольфа – он скончался в 1365 году, не дожив и до 27 лет, – заключается прежде всего в том, что он вновь во весь голос заявил о властных амбициях своей династии. В этом смысле герцога действительно можно считать одним из основателей габсбургского могущества. С фигурой – а точнее, лицом – Рудольфа Основателя связана и одна характерная особенность: на его надгробном изображении заметна деталь внешности, которая станет отличительной чертой очень многих членов династии, – знаменитая «габсбургская» нижняя губа, пухлая и оттопыренная, придающая лицу несколько надменное выражение.

Рудольф Основатель закрепил за Габсбургами заметную роль в империи – заметную, но не главенствующую. Эта роль сохранялась еще за несколькими поколениями рода, пока в середине XV века судьба не улыбнулась одному из представителей Австрийского дома – Альбрехту V. Этому человеку, чьим девизом было *Amicus optima vitae possessio* («Друг – лучшее, что можно приобрести в жизни»), удалось после перерыва в 130 лет вернуть Габсбургам германскую королевскую корону (в качестве короля он именовался Альбрехтом II). Девиз, видимо, был обусловлен жизненным опытом: в бурной жизни Альбрехта врагов всегда было больше, чем друзей.

Уже в 1411 году, когда ему было 14 лет, Альбрехта провозгласили совершеннолетним, и он смог выйти из-под опеки двоюродных дядей – Леопольда Тирольского и Эрнста Железного. Впрочем, вместо властолюбивых родственников палки в колеса герцогу начали вставлять представители сословий, только выигравшие от распрей среди Габсбургов. Но вскоре они вынуждены были смириться с новым усилением монаршей власти: Альбрехт V оказался жестким и волевым правителем, к тому же он умел подбирать толковых советников и обзавелся сильным союзником – германским королем (с 1433 года – императором) Сигизмундом Люксембургом. На единственной дочери Сигизмунда Елизавете герцог женился в 1422 году.

Союз с императором заставлял Альбрехта хлопотать о ликвидации церковного раскола. Он поддержал решения Констанцкого собора, покончившего с «великой схизмой»¹², и признал избранного собором единого папу Мартина V. Вскоре после этого австрийский герцог начал борьбу с чешскими протестантами – гуситами, принесшую ему репутацию «бича еретиков». В 1420 году Сигизмунд и его католические вассалы, в том числе Альбрехт V, организовали первый крестовый поход против гуситов, но их усилия не увенчались успехом. Гуситам удалось создать мощную регулярную армию, которая раз за разом наносила сокрушительные поражения цветущему европейскому рыцарству. Католическая Европа вынуждена была начать переговоры с упорными еретиками. Представители гуситов приехали на Базельский собор, и вскоре были выработаны условия для компромисса. Император Сигизмунд был признан королем Чехии.

Незадолго до смерти Сигизмунд начал готовить передачу власти своему зятю. В 1437 году Альбрехт был провозглашен королем Венгрии, а год спустя – германским («римским») королем. С Чехией вышло сложнее: часть гуситского дворянства и представители других сословий, помня давнюю враждебность Альбрехта к их вере, выдвинули своего кандидата – польского принца Казимира Ягеллона. Габсбургу снова пришлось взяться за оружие. Обладая неплохими полководческими способностями, он нанес противнику поражение и стал немедленно готовиться к новой военной операции – против турок, чье влияние на Балканах непрерывно возрастало. Однако выступить в очередной крестовый поход Альбрехту было не суж-

¹² Многолетний раскол в католической церкви в конце XIV – начале XV вв. В этот период церковь возглавляли двое, а некоторое время даже трое соперничающих пап.

дено: в октябре 1439 года он заболел холерой и умер в Венгрии. Сын Альбрехта и Елизаветы Люксембургской, Ладислав Посмертный (Postumus), родившийся через несколько месяцев после смерти отца, сохранил чешскую и венгерскую короны. За маленького короля, однако, правили могущественные вельможи: в Чехии – Иржи (Георгий) из Подебрад, в Венгрии – Янош Хуньяди, в Австрии (ведь Ладислав был и австрийским герцогом) – его родственник Фридрих III (см. ниже). Ладислав одновременно подавал большие надежды и вызывал немалые опасения, будучи юношей талантливым, но избалованным. Однако в 1457 году в возрасте 17 лет он умер в Праге незадолго до собственной свадьбы. Как показали исследования его останков, проведенные в 80-е годы XX века чешскими специалистами, причиной смерти молодого короля стала, очевидно, скоротечная лейкемия. Проживи Ладислав дольше, вполне вероятно, что центральноевропейская империя Габсбургов возникла бы уже в середине XV века. История, однако, решила иначе: Австрийскому дому, вновь устремившемуся к вершинам власти, пришлось подождать еще 70 лет.

Между тем в 1440 году новым римско-германским королем был избран Фридрих III, сын Эрнста Железного, одного из австрийских герцогов начала XV века. Тот факт, что курфюрсты быстро и без особых проблем проголосовали за Фридриха, который не был харизматической личностью, свидетельствует о значительном авторитете, которым уже тогда пользовались Габсбурги. Впрочем, новый король (с 19 марта 1452 года, после коронации в Риме – император) за полвека своего правления сделал немало для падения этого авторитета. В историю Фридрих вошел не выдающимися деяниями, которых не совершил, а удивительным везением, которое помогло ему пережить всех своих врагов.

Император непрерывно с кем-то враждовал, причем все время находился в роли слабой, пассивной, защищающейся стороны. В 1461 году младший брат, Альбрехт VI, не имевший собственных значительных владений, попытался отобрать у Фридриха Австрию. Император, запертый в крепости, согласился на мир на условиях, выдвинутых братом. Но через несколько месяцев Альбрехт умер от чумы, и Фридрих восстановил свою власть в Австрии. Однако его уже ждал новый, еще более сильный враг – венгерский король Матиаш Корвин¹³ из рода Хуньяди, чьи войска стали то и дело вторгаться во владения императора. В 1485 году Корвин собрал войско и взял Вену; император бежал в Линц. Лишь через пять лет, когда Матиаш умер, сыну Фридриха Максимилиану удалось вернуть австрийскую столицу. Старый же император мог пополнить список умерших врагов еще одним именем.

Согласно дошедшим до нас свидетельствам, Фридрих III был странным, эгоистичным, мелочным и неприятным человеком. При этом он отличался большой наблюдательностью, желчным юмором и даже склонностью к философии, о чем говорят сохранившиеся фрагменты записей императора, которые он вел на протяжении всей жизни. Как и положено чудаку, Фридрих оставил после себя загадку, над смыслом которой билось не одно поколение историков. Это знаменитый «габсбургский ребус» – набор букв A E I O U, считавшийся одно время зашифрованным девизом самого императора. Им Фридрих помечал свои книги, документы и даже возведенные здания. Достоверной расшифровки этих букв не существует по сей день. Некоторые историки полагают, что A E I O U – лозунг династии Габсбургов, завещанный Фридрихом потомкам. В этой связи возникли две версии – немецкая и латинская: *Alles Erdreich ist Oesterreich Untertan* или *Austria est imperare orbi universo*. Значение обеих фраз практически одинаково: «Пусть Австрия правит миром».

Впрочем, не исключено, что эти версии навеяны позднейшей историей Австрийского дома, во времена же Фридриха III, когда Габсбурги еще не достигли настоящих вершин славы и могущества, загадочные буквы могли означать и что-нибудь более прозаическое. Существовало много комических и даже издевательских толкований A E I O U: *Alles Erdreich*

¹³ Corvinus (лат.) – ворон.

ist Oesterreichs Unglueck («Весь мир – причина несчастий Австрии») или – в связи с небывало удачной брачно-династической политикой Габсбургов – Alle Erbinnen in Oesterreichs Veruegung («Все наследницы в распоряжении Австрии»). Фридрих, несомненно, задумывался над тем, как обеспечить будущим поколениям Габсбургов привилегированное положение среди европейских монархов. В 1486 году он добился избрания своего сына Максимилиана германским королем. С этого времени такая практика – избрание преемника еще при жизни государя – стала у Габсбургов постоянной. В то же время неумелая, вялая политика Фридриха привела к тому, что за время его правления империя стала совсем эфемерной, а самостоятельность немецких князей – почти ничем не ограниченной. Да и мог ли пользоваться авторитетом император, уступивший венграм даже столицу собственных родовых владений?

К падению своего престижа стареющий Фридрих III относился с поразительным равнодушием. Последние годы жизни он провел в Линце, поручив ведение государственных дел Максимилиану и занимаясь своими, как сказали бы сегодня, хобби – садоводством, алхимией и астрологией. Всю жизнь император как одержимый пытался найти способ превращения неблагородных металлов в золото, но это ему не удалось. Ему вообще мало что удавалось. Судьба не отказала Фридриху лишь в одном своеобразном удовольствии: пережить всех своих врагов.

Рождение империи

Мария, дочь последнего герцога Бургундского Карла Смелого, погибшего в битве с грозной швейцарской пехотой в 1477 году, была одной из самых желанных невест Европы. В наследство от предков Марии досталась настоящая мини-империя, включавшая в себя обширные и плодородные районы нынешней северо-восточной Франции (собственно Бургундию, значительную часть Лотарингии и Эльзаса), а также Франш-Конте, Фландрию, Эно, Брабант – в общем, практически всю территорию современных Бельгии и Нидерландов. Жители этих земель отличались трудолюбием и бережливостью, что принесло владениям бургундских герцогов славу богатейших земель Европы.

Основными претендентами на руку Марии Бургундской стали дофин Карл, сын французского короля Людовика XI, и Максимилиан, сын германского императора Фридриха III. Однако французскому принцу было только 7 лет, и 20-летняя Мария предпочла Габсбурга, который тоже был моложе ее, но лишь на два года. К тому же значительная часть подданных герцогини, в первую очередь жители богатых фламандских городов, были решительно против французского господства. В августе 1477 года Максимилиан прибыл к невесте в брабантский Гент. Там и был заключен первый из серии браков, благодаря которым в конце XV – начале XVI века возникла габсбургская империя.

Супружеская жизнь Максимилиана и Марии складывалась довольно счастливо, у них родились двое детей – Филипп и Маргарита. Супруги подходили друг другу: Мария Бургундская, по свидетельствам современников, была привлекательной, веселой и неглупой женщиной, габсбургский принц характером тоже не походил на своего угрюмого и вялого отца. Позднее историки назовут Максимилиана «последним рыцарем»: в эпоху, когда средневековые традиции уходили в прошлое, он, казалось, служил их олицетворением. Галантный кавалер, неплохо для своего времени образованный человек, писавший аллегорические поэмы и оставивший нечто вроде политических мемуаров, Максимилиан был в первую очередь воином. За неполных 40 лет он провел 25 военных кампаний. Именно при этом императоре началось противостояние Габсбургов и Франции, борьба двух держав за гегемонию в Западной и Центральной Европе, продолжавшаяся с небольшими перерывами до второй половины XIX столетия.

24 марта 1482 года Максимилиан и Мария отправились на охоту. Лошадь герцогини понесла и сбросила всадницу. Травмы оказались тяжелыми, началось внутреннее кровотечение, и три дня спустя 25-летняя женщина скончалась. Для Максимилиана это означало не

только личную трагедию, но и политическое поражение, поскольку, в отличие от супруги, он не пользовался большой популярностью у своих новых подданных. Герцогом Бургундским провозгласили маленького сына Максимилиана и Марии, Филиппа (позднее прозванного Красивым), однако отцу ребенка в регентстве было отказано. Борьба между Максимилианом и мятежными городами Нидерландов и Фландрии продолжалась до 1494 года, когда старший Габсбург официально передал сыну власть над этими провинциями.

К тому времени закончилась (впрочем, ненадолго) война с Францией, вспыхнувшая после брака Марии и Максимилиана. Примерно половина земель, принадлежавших некогда Карлу Смелому, отошла к Франции, другая – большая часть современных Нидерландов и Бельгии – досталась Габсбургам. Умер Фридрих III, и курфюрсты без особых проблем признали верховную (хоть и весьма формальную) власть Максимилиана над «Священной Римской империей». Чуть раньше воинственному Габсбургу удалось отбить

Вену у венгров. Дочь Максимилиана Маргарита, помолвленная с новым французским королем Карлом VIII, пережила неслыханное унижение после того, как Карл, отвергнув ее, заключил брак с Анной Бретонской, что позволило присоединить Бретань к французским владениям. Обида, нанесенная Францией Габсбургам, была двойной, поскольку вдовец Максимилиан сам рассчитывал жениться на Анне. После этого борьба с Францией окончательно стала делом жизни императора, который неоднократно говорил о французах как о «старых и естественных противниках нашего дома».

Бургундское наследство, полученное Габсбургами в результате брака Максимилиана I и Марии, заключалось не только в территориальных приобретениях. Своеобразной частью этого наследства стал орден Золотого Руна, основанный в 1429 году бургундским герцогом Филиппом Добрым. Орден, знак которого представляет собой золотого барашка на ленте, носимой на шее, был основан как некое мистическое крестоносное братство «новых аргонавтов», призванных отправиться в поход за легендарным золотым руном, под которым в данном случае подразумевался Гроб Господень¹⁴. Бургундские герцоги были главами ордена Золотого Руна и единственные обладали правом приема в него новых рыцарей. После гибели Карла Смелого, когда мужская линия бургундского рода пресеклась, орден стал габсбургским. В XVI веке, после разделения династии на австрийскую и испанскую ветви, возникли и два ордена Золотого Руна, во главе которых стояли соответственно германский император и испанский король. Орден стал олицетворением притязаний габсбургского дома на лидерство в христианском мире, веры Габсбургов в то, что непременно сбудется предсказание библейского пророка Даниила о четырех царствах, на смену которым придет царство Божие: «И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Дан. 2,44). Последним из земных царств должна была, по представлениям Габсбургов, стать их собственная империя.

¹⁴ Tanner M. The last Descendant of Aeneas. The Hapsburgs and the Mythic Image of the Emperor. New Haven & London, 1993. Pp. 146–161.

Знак ордена Золотого Руна, прикрепленный к центральному звену-огниву

* * *

События конца XV – начала XVI века, когда благодаря серии династических браков Габсбурги за пару десятилетий стали самой могущественной династией христианского мира, были столь ошелмляющи, что вполне закономерно сформировали у членов Австрийского дома убеждение в собственной избранности. В то же время эти события можно считать наградой за умелую династическую политику Максимилиана I, который целенаправленно связывал членов своей семьи брачными узами с представителями царствующих домов Европы.

Самой многообещающей из этих брачных комбинаций оказался двойной брак его детей, Маргариты и Филиппа, с Хуаном и Хуаной – детьми «католических величеств», основателей единого испанского государства Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Если испанскому принцу и его семье судьба не благоприятствовала – дон Хуан, его жена и маленький сын умерли один за другим в течение нескольких лет от болезней, – то брак Филиппа Красивого и Хуаны Кастильской положил начало габсбургской «империи, над которой никогда не заходит солнце». При этом сам по себе этот союз был сущим несчастьем: Филипп, судя по всему, и после женитьбы не чурался общества других женщин, Хуана ревновала, что распатывало ее от природы нестабильную психику. В 1506 году Филипп, ставший к тому времени соправителем жены в качестве короля Кастилии, простудился и умер, после чего несчастная вдова окончательно повредила рассудком и была по приказанию отца, Фердинанда Арагонского, ставшего регентом Кастилии, изолирована в замке Тордесильяс. Там королева в полной изоляции провела еще почти 50 лет своей трагической жизни. Сохранились сведения о том, что приставленная к Хуане стража грубо и жестоко обращалась с больной женщиной. Ни король Фердинанд, ни старший сын Хуаны Карл не сделали практически ничего, чтобы облегчить участь несчастной. Она умерла в 1555 году в возрасте 76 лет, войдя в историю как Хуана Безумная.

Тем не менее брак Хуаны и Филиппа Красивого стал для Габсбургов действительно благословением Божьим. Дети этой четы носили самые разнообразные европейские короны: Карл и Фердинанд стали германскими императорами; старшая дочь Элеонора вышла замуж за португальского короля Эммануила, а затем – за Франциска I Французского; другая дочь, Изабелла, стала супругой короля Дании и Швеции Христиана II; Мария пошла под венец с Людовиком Ягеллоном, королем Венгрии и Чехии; наконец, младшая, Екатерина, родившаяся уже после смерти отца, стала королевой Португалии, выйдя за Жуана III. Союз габсбургского принца и кастильской принцессы имел и другие, менее приятные последствия: психическая болезнь

Хуаны в той или иной форме передалась некоторым ее потомкам. Тяжелые депрессии, которыми страдал в конце жизни Карл V, странности поведения его внука Рудольфа II, к концу жизни полупомешанного, наконец, острый психоз, жертвой которого стал внебрачный сын Рудольфа Юлий Австрийский – все это, скорее всего, были проявления «кастильского наследства».

Тем временем Максимилиан I продолжал бороться за гегемонию в Европе. В последние годы XV века центр боевых действий переместился в Италию, куда с огромной армией вторгся Карл VIII Французский. Началась эпоха итальянских войн, продлившаяся с перерывами 60 лет. Усилия Максимилиана, впрочем, были не слишком успешными. Почти все его военные победы были на редкость бесплодными, а поражения, наоборот, катастрофическими. Гораздо более удачно складывались династические комбинации императора¹⁵. В 1515 году в Вене состоялась двойная свадьба: Фердинанд, младший внук императора, был обручен с Анной Ягеллонской, дочерью Владислава II, короля Венгрии и Чехии, а сын последнего Людовик пошел под венец с императорской внучкой Марией. Так породнились две самые могущественные на тот момент династии Центральной Европы. В скором времени оказалось, что и от этих браков выиграли исключительно Габсбурги: в 1526 году, после гибели 20-летнего Людовика Ягеллона в битве с турками при Мохаче (Венгрия), Фердинанд унаследовал чешскую и венгерскую короны, которые оставались у Габсбургов до 1918 года. *Tu felix Austria nube*. Ну а старший из императорских внуков, Карл, еще раньше стал как германским императором, так и испанским королем. В число его владений входили Австрия и другие земли Габсбургов в Центральной Европе, а также Нидерланды, Неаполь, Сицилия и Испания с ее быстро расширявшимися колониальными владениями в Америке.

Так Габсбурги окончательно превратились в самую могущественную династию христианского мира. На западе их владения кольцом окружали Францию, что послужило причиной новых столкновений между двумя державами. На востоке Чешское и особенно Венгерское королевства становились главным бастионом христианской Европы, которой все сильнее угрожали турки, завоевавшие Балканы. «Закономерно, что выбор истории пал на Габсбургов, – отмечал российский историк Тофик Исламов, – ибо в сложившихся условиях им одним было под силу осуществить дело объединения и, что немаловажно, устойчиво обеспечить в качестве императоров Священной Римской империи военно-политическую поддержку оказавшемуся в беде региону (Центральной и Юго-Восточной Европе. – Я. Ш.) со стороны Германии»¹⁶.

Именно эти два направления, западное и юго-восточное, французское и турецкое, стали главными во внешней политике Габсбургов в XVI, XVII и начале XVIII столетия.

¹⁵ Хотя Максимилиан не короновался в Риме, папа в 1508 г. позволил ему именоваться «избранным германским императором»; с тех пор до самого конца «Священной Римской империи» ни один ее монарх не был коронован по средневековому обряду главой католической церкви.

¹⁶ Исламов Т. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 20.

I. На вершине (1526–1648)

Великий неудачник

Карл V, появившийся на свет 24 февраля 1500 года в Генте (ныне Бельгия), вырос, как и его отец Филипп, в землях, доставшихся Габсбургам от Марии Бургундской. Он на всю жизнь сохранил привязанность к своим северным владениям, где часто бывал и которые впоследствии избрал для своего добровольного ухода из политической жизни.

Маргарита, дочь Максимилиана I, воспитывала племянников и племянниц в духе бургундской придворной культуры. Родным языком будущего императора был французский (ирония судьбы – ведь именно Франция оказалась наиболее сильным и последовательным противником Карла V). Испанским и немецким Карл овладел позже, кроме того, он неплохо знал латынь. Своих родителей мальчик почти не видел: Филипп Красивый умер, когда его старшему сыну было 6 лет, Хуана же из-за душевной болезни не могла быть нормальной матерью своим детям. И это обстоятельство, и особенности воспитания способствовали тому, что Карл с малых лет научился принимать самостоятельные решения.

Набожность императора была своеобразной, далекой от средневековых канонов. Всю жизнь оставаясь добрым католиком, Карл V, однако, не был столь же добрым папистом. Его отношения с Римом никогда не были безоблачными, хотя именно император взял на себя нелегкую миссию главного защитника католицизма в Европе. Как не без некоторого преувеличения отмечает один из биографов Карла, император «на папство, по крайней мере в его тогдашнем виде, смотрел скорее свысока... Это делает его якобы средневековую набожность близкой чуть ли не протестантским взглядам»¹⁷.

Карл с юных лет не только был убежден в своей особой миссии как главы наиболее могущественной династии христианского мира, но и твердо знал, в чем заключается эта миссия: в создании *imperia universalis*, единой христианской монархии, главой которой он видел, естественно, себя. Идея совершенно средневековая, мечта, к осуществлению которой на протяжении многих столетий стремилось большинство наследников Карла Великого и Оттона I. Поэтому, добиваясь реализации своего горделивого девиза «Plus ultra» – «Превыше всего» (или всех?), – Карл V был обречен на конфликт с новыми общественными силами, выходящими на историческую арену в XVI столетии. Духовно-религиозным выражением стремлений этих сил была Реформация, начавшаяся в Германии в 1517 году, когда юный габсбургский принц еще не был вершителем судеб Европы.

Немецкий монах Мартин Лютер, прибывший на ворота церкви в Виттенберге свои 95 тезисов против продажи индульгенций, сумел оказаться в нужное время в нужном месте. По сути дела, в его учении, взорвавшем Европу, было не так уж много нового. Толковать Священное Писание, переводить его с недоступной простому люду латыни на современные языки, обличать пороки католической церкви, отрицать церковную иерархию и требовать возврата к простоте и бедности раннего христианства еще в конце XII–XIII веков пытались секты катаров и вальденсов. Подобные взгляды, дополненные рядом церковно-догматических требований, за столетие до Лютера стоили жизни Яну Гусу. Однако лишь виттенбергскому бунтарю первым удалось не только создать стройную религиозно-философскую систему, противостоящую обветшавшему католицизму, но и заручиться в своей борьбе поддержкой самых широких слоев общества, в котором все сильнее звучали протестующие голоса. Князья жаловались на конкуренцию духовных судов со светскими, города – на поборы близлежащих монастырей,

¹⁷ Seibt F. Karel V.: Cisar a reformace. Praha, 1999. S. 24.

крестьяне – на непрерывный рост земельных владений церкви. Поэтому, когда появился Лютер со своей проповедью, крестьяне увидели в ней подлинное христианство, основанное на началах братства и социальной справедливости, горожане оценили «буржуазность» учения виттенбергского монаха, оправдывавшего стремление мирян к материальному благополучию, князья же – как, например, покровитель Лютера, саксонский курфюрст Фридрих Мудрый, – становились под знамена протестантизма, считая его эффективным средством борьбы против светских притязаний католической церкви, а заодно и против поползновений императора.

Первым прямым столкновением Карла V с протестантами и их вождем стал Вормсский рейхстаг (собрание представителей сословий империи) 1521 года. Именно там император убедился в том, что примирение между католиками и последователями Лютера в данный момент невозможно. Тогда Карл поклялся «сохранить все, что мои предки и я сохранили на сегодняшний день, и в особенности то, что мои предки постановили, в том числе и на Констанцском соборе». Он обещал «отдать все этому делу: мои королевства и мои владения, моих друзей, мое тело, мою кровь, мою жизнь и мою душу». Трудно сказать, как развивались бы события, если бы Лютер на Вормсском рейхстаге произвел на Карла большее впечатление. Однако молодой император ограничился презрительным замечанием: «Ну, этот не совратит меня в свою ересь», хотя и признал, что «монах говорил бесстрашно и смело».

Вскоре, сосредоточившись на внешних угрозах, Карл V передал полномочия имперского наместника своему младшему брату Фердинанду – в надежде на то, что склонный к компромиссам принц сможет удержать Германию под контролем. Сам император тем временем занялся важнейшими геополитическими задачами – борьбой с Францией и Турцией.

* * *

Атака на Францию была организована с двух направлений – юго-западного, со стороны Наварры и Пиренеев, и юго-восточного, из Италии. Если на первом добиться серьезных успехов Карлу не удалось, то на втором в 1525 году счастье улыбнулось ему в битве при Павии, где французы потерпели сокрушительное поражение, а король Франциск I был взят в плен. Год спустя, когда пленный король находился в Мадриде, император вынудил его подписать мир, весьма невыгодный для Франции. Главным последствием войн с Францией в 1520-е годы стало благоприятное для Габсбургов изменение баланса сил в Италии: около 40 процентов территории страны оказалось под их непосредственным владычеством, а многие североитальянские князья стали вассалами или союзниками императора.

В 1530-е годы между Франциском и Карлом вновь вспыхнула война, на сей раз из-за Миланского герцогства. Несколько лет спустя император решил нанести упорному противнику последний удар, вторгшись с большой армией в саму Францию. Наступление на Париж оказалось удачным, и перепуганный Франциск вновь согласился на невыгодный мир, подписанный в Крепи. Впрочем, в тот момент Карл не мог чувствовать себя стопроцентным победителем: поддержка Франции была необходима ему на новом этапе борьбы с протестантами в Германии, поэтому император согласился на предложенную королем династическую комбинацию – брак герцога Орлеанского с одной из габсбургских принцесс. Однако герцог вскоре умер, а предложенную Францией замену в лице принца Генриха (будущего Генриха II) император неблагоприятно отверг.

Так Карл V упустил последний шанс заключить прочный мир с Францией. Вскоре военная мощь французов возродилась, и новый король Генрих II продолжил борьбу. Только в апреле 1559 года, когда Карла V уже не было в живых, мир в Като-Камбрези положил конец многолетним войнам Франции с империей и Испанией. Так и не была выполнена максималистская программа Меркурино Гаттинары, первого канцлера императора Карла, добивавшегося

уничтожения Франции как великой державы и превращения ее в покорного вассала габсбургской *imperia universalis*.

Немногим успешнее шли дела императора на восточном фланге, где противником Карла была Османская империя. После взятия султаном Сулейманом Белграда (1521) и победоносной для турок битвы у Мохача (1526) турецкая экспансия на юго-востоке Европы приняла устрашающие размеры. В 1529 году османские полчища подступили к стенам Вены, но защитникам города удалось отбить оба штурма, предпринятые турками. Зато в 1541 году османы взяли столицу Венгрии – Буду, которая оставалась под их властью более 140 лет.

* * *

Ни о каких долгосрочных успехах внешней политики императора не могло быть и речи, пока в самой империи шла ожесточенная религиозно-политическая борьба. В 1530 г. на очередном рейхстаге в Аугсбурге Карл V предпринял попытку добиться примирения и единства. В отличие от многих своих предшественников, император вполне искренне стремился к религиозному миру, который развязал бы ему руки для борьбы с французами и турками. Неудача, которую он потерпел и в этом деле, была лишь отчасти вызвана ошибками и предрассудками самого Карла.

Дальнейшие взаимоотношения императора с представителями противоборствующих конфессий на протяжении полутора десятилетий представляли собой запутанный клубок угроз и обещаний, уступок и деклараций. Теснимый внешними врагами, нуждающийся в деньгах и войсках, источником которых служила для него империя, Карл был обречен на тактические маневры в религиозном вопросе. Протестантам удалось добиться от него довольно значительных послаблений – в частности, временного закрепления за ними церковных имуществ, конфискованных в ходе Реформации, и прекращения судебных процессов по религиозным делам. Но в конце 1540-х годов Карл перешел от уступок протестантам к жесткой политике по отношению к ним. 24 апреля 1547 года армия императора переправилась через Эльбу и обрушилась на войска протестантов. Битва при Мюльберге была блестящей, но в то же время случайной, нечаянной победой Карла V. Она стала пиком политической и военной карьеры императора. Кто тогда, весной 1547 года, мог предположить, что его могущество это окажется столь недолгим?

Карл сам множил число своих врагов. Иоганна Фридриха Саксонского он вначале приговорил к смерти, затем под давлением своих приближенных сохранил пленному курфюрсту жизнь, но отнял у него все владения и передал их герцогу Морицу. Ландграф Гессенский, женатый на дочери Иоганна Фридриха, активно заступался за тестя и был по приказу Карла брошен в тюрьму. Герцогу Ульриху Вюртембергскому император приказал на коленях молить о пощаде. Возможно, именно пережитые унижения, а не военный разгром, заставили протестантских вельмож вновь вернуться к мысли о сопротивлении и мести надменному монарху. Постепенно победа императора оборачивалась очередным поражением. Отношения с Римом были испорчены, католические субъекты империи испытывали к Карлу V все большее недоверие, протестанты же, отделившись уступками и неопределенными обещаниями признать будущие решения вселенского собора, после Мюльберга никак не могли питать к императору теплые чувства.

Император Карл V в сражении при Мюльберге.

Художник Тициан

В 1552 году произошло событие, сыгравшее роковую роль в судьбе Карла. Мориц Саксонский, изменивший императору, объединился с группой протестантских князей, собрал значительные силы и вторгся в пределы Австрии. Карлу впервые в жизни пришлось не просто отступать, а бежать перед противником, занявшим Инсбрук. Правда, успехи протестантов этим и ограничились, и летом в Пассау начались мирные переговоры. Обе делегации – императора и мятежников – склонялись к компромиссу, но Карл, измученный войной и болезнями, оттягивал заключение мира, полагая, что это нанесет непоправимый ущерб его чести. Тем временем на французском фронте императорская армия не сумела взять крепость Мец и, потеряв более половины солдат, сняла осаду. Дела Карла шли все хуже, и он уехал в Брюссель, фактически передав правление в империи брату Фердинанду.

* * *

Карл V был неординарной личностью, и движения его души определялись не только характером военного и политического противостояния в империи. К пятидесяти годам (для XVI столетия – почтенный, почти старческий возраст), 30 из которых он провел на троне империи, Карл безмерно устал. Изменчивость фортуны, постоянное чередование побед и поражений наводили его, человека глубоко религиозного, на мысль о том, что его дело, быть может, не является делом Божиим, коль скоро Господь не позволяет ему добиться окончательной победы над врагами. Не исключено, что эти соображения подтолкнули Карла к решению, невиданному в истории европейских монархий со времен римского императора Диоклетиана, – отречению от престола.

Всю жизнь Карл V оставался одиноким человеком. Императору повезло: его придворным живописцем был Тициан, и портреты монарха, написанные великим художником, передают многие особенности характера Карла. Одна из главных – одиночество, возникшее не в результате неблагоприятных обстоятельств, а по доброй воле самого императора, осознававшего собственную исключительность. Это не была надменность или гордыня, а лишь спокойное понимание того факта, что с самого рождения он поставлен на такую высоту, на которой его судьей может быть лишь Бог. Но чем абсолютнее власть человека над другими людьми, тем

тяжелее бремя этой власти. Отсюда, наверное, то смятение духа, которое охватило императора в его последние годы и стало одной из важнейших причин отречения.

Отношения Карла V с семьей отличались такой же отстраненностью, как и с остальными людьми. В 1526 году Карл женился на португальской принцессе Изабелле. Из 13 лет брака почти половину император провел вне Испании, где оставалась его жена, исполнявшая обязанности регентши. Тем не менее супружество было многодетным: у Карла и Изабеллы родились трое сыновей и две дочери. Рождение последнего ребенка стоило 35-летней Изабелле жизни.

Об отношении императора к женщинам свидетельствует его наставление сыну Филиппу накануне вступления последнего в брак: «Когда окажетесь вместе со своей супругой, – пишет заботливый отец, – будьте весьма осторожны и поначалу не допускайте чрезмерного напряжения сил, дабы не понести физический ущерб, ибо это (чересчур усердное исполнение супружеских обязанностей. – Я. III.) может нанести вред росту тела и его силе, а часто вызывает такую слабость, что делает невозможным появление потомства и даже может погубить вас»¹⁸. Впрочем, сам Карл V не всегда действовал в соответствии с собственными пуританскими советами: в противном случае на свет не появился бы дон Хуан Австрийский (1547–1578) – будущий победитель турок в морской битве при Лепанто, плод связи императора с Барбарой Бломберг, дочерью богатого регенсбургского горожанина.

Бегство Карла V в Нидерланды, предварявшее его официальный уход из политики, пошло на пользу делу религиозного примирения в империи. Более покладистый и дипломатичный Фердинанд после нескольких лет раздоров, охвативших Германию, сумел договориться с протестантами о мире, который был заключен в Аугсбурге в 1555 году. По выражению немецкого историка Фридриха Ангермайера, это была «победа политики над религией», поскольку практическая необходимость и неизбежность сосуществования обеих конфессий заставила даже самых непримиримых католиков и протестантов поступиться принципами. Главным положением Аугсбургского мира стало *Cuius regio, ejus religio* («Чья власть, того и вера») – что означало необходимость для подданных каждого из субъектов империи избрать ту конфессию, к которой принадлежал глава этого субъекта. Фактически свобода вероисповедания была предоставлена не всем подданным империи, а только имперским князьям – однако без соединения религиозного и территориального принципов никакой почвы для компромиссов вообще не было бы. Мир с протестантами означал «спасение ограниченной императорской власти, основанной на компромиссах с субъектами империи»¹⁹. Это могло устраивать менее честолюбивого Фердинанда, но не Карла.

25 октября 1555 года по приказу Карла V представители нидерландских сословий собрались в большом зале императорского дворца в Брюсселе. Здесь когда-то был провозглашен совершеннолетним юный габсбургский принц, ставший теперь пожилым, явно нездоровым мужчиной с вытянутым усталым лицом, характерной выступающей вперед «габсбургской» нижней губой и седеющей бородой. Негромким голосом Карл V произнес речь, в которой подвел итог своего многолетнего правления. Ноты смирения и бегства от мирской суеты, к чему так стремился усталый монарх, слышались в его словах, которые, по свидетельствам современников, произвели большое впечатление на присутствовавших в зале брюссельского дворца. Формально речь Карла V была отречением от власти в пользу сына только в бургундских владениях Габсбургов, т. е. в Нидерландах. Тремя днями раньше, однако, произошло другое знаменательное событие: император сложил с себя полномочия великого магистра ордена Золотого Руна, которые были привилегией главы габсбургского дома, и передал их опять-таки сыну Филиппу – что было весьма спорным шагом, учитывая запутанность вопроса о преемнике Карла, на котором мы остановимся ниже. Позднее Филиппу II была отдана власть в испанских

¹⁸ Parker G. Filip II. Praha, 1998. S. 32.

¹⁹ Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры: Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону, 1997. С. 72.

и итальянских владениях Габсбургов. Императорская корона формально оставалась у Карла, хотя все полномочия главы империи давно уже были в руках Фердинанда. Только в марте 1558 года, когда его старшему брату оставалось жить лишь несколько месяцев, Фердинанд I с согласия курфюрстов был провозглашен новым римско-германским императором. Эпоха Карла V завершилась.

Отрекшийся император уехал в Испанию, где в монастыре Сан-Херонимо-де-Юсте для него был построен домик – нечто вроде то ли комфортабельной кельи, то ли скромной загородной резиденции. Впрочем, уединение Карла не было монашеским: проводя значительную часть времени в молитвах, он, тем не менее, воздавал должное обильной еде и питью, от пристрастия к которым не избавился и в старости, вел активную переписку с Филиппом II, которого забрасывал политическими советами, а когда позволяло здоровье, работал в саду. Бывший император, испытывавший интерес к технике, собрал уникальную коллекцию часов, с которой связана следующая легенда. Однажды Карл отремонтировал двое часов и хотел, чтобы они шли одинаково, минута в минуту, но это ему не удавалось. «Я не могу справиться даже с часами, – воскликнул экс-император, – как же я мог мечтать привести к согласию многие народы, живущие под разным небом и говорящие на разных языках?» 21 сентября 1558 года его земной путь подошел к концу.

Незаметные императоры

Фердинанд, брат императора Карла V, уже в 1521 г. получил в управление наследственные австрийские земли Габсбургов. Когда пять лет спустя Фердинанд стал преемником венгерского и чешского короля Людовика, погибшего в болотах под Мохачем, в его распоряжении оказался конгломерат центральноевропейских земель. Все было бы хорошо, если бы не турецкая угроза, которой постоянно подвергались новые владения австрийского дома.

Кроме того, часть венгерского дворянства не признала Габсбурга королем, выдвинув своего кандидата – трансильванского магната Яна Заполя. С ним после нескольких лет борьбы Фердинанду удалось договориться, но после смерти Заполя непокорная шляхта провозгласила государем его сына Яна Сигизмунда (1540). Под покровительством турок он стал править в Трансильвании как князь, пользовавшийся значительной автономией. До конца XVII века Венгрия была расколота на три части. В западной правили Габсбурги, которым подчинялись нынешняя Хорватия, Бургенланд (ныне федеральная земля Австрийской республики, граничащая с Венгрией) и Словакия. На востоке в обстановке удивительной для того времени религиозной и этнической терпимости жили народы Трансильвании – румыны, венгры, сикулы (южная ветвь венгерского этноса), немцы. Центральная часть Венгрии с древней Будой входила в состав Османской империи и была разделена на несколько административных единиц – пашалыков.

Решение Карла V передать брату бразды правления в Австрии было вызвано тем, что владения Габсбургов слишком уж разрослись, и управлять ими из одного центра при тогдашних средствах связи и транспорта представлялось затруднительным. Позднее, в конце 1520-х годов, Карл, убедившись в чрезвычайной запутанности германских дел, стал подумывать и о том, чтобы сделать Фердинанда своим наследником и помощником во всей империи. При этом император вынужден был пожертвовать интересами своего сына Филиппа II. В 1531 году младший брат императора был избран римским королем. В то же время наследником Карла в Испании, Неаполе, Нидерландах и на Сицилии оставался Филипп. Так габсбургский дом разделился на две ветви – австрийскую и испанскую, сохранив при этом внутреннее единство – ибо между Веной и Мадридом в каждом поколении возникали тесные (с генетической точки зрения – даже слишком) родственные связи, а политические интересы обеих ветвей практически нигде и никогда не пересекались. Разделение власти между братьями не подорвало доми-

нирующие позиции Габсбургов на западе и в центре Европы. Франция по-прежнему была с трех сторон окружена владениями могущественной династии.

Внешне Фердинанд I был еще большим Габсбургом, чем его брат. Сохранившиеся изображения свидетельствуют об этом: оттопыренная нижняя губа, орлиный нос, длинное лицо – типичные габсбургские черты. А вот по характеру младший брат не походил на старшего, отличаясь от него спокойствием, рассудительностью и осторожностью. Он был весьма образован, в числе его воспитателей был знаменитый философ-гуманист Эразм Роттердамский, прививший молодому принцу такие качества, как терпимость и сдержанность. Будучи набожным католиком, Фердинанд I, однако, всегда ставил политические интересы над религиозными, что и позволило ему стать вдохновителем Аугсбургского мира. Фердинанд был менее жесток и непреклонен, чем Карл, о чем можно судить по замечанию одного венецианского дипломата: «Немцы любят короля и не боятся его; чехи его не любят, но боятся; венгры же и не любят, и не боятся». В своих землях Фердинанду удалось провести административные реформы с большим успехом, чем это пытался сделать в масштабах всей империи Карлу. Были созданы единые для Австрии, Чехии и Венгрии органы управления, членами которых король назначил своих доверенных лиц, – тайный совет (Hofrat), занимавшийся вопросами политики и дипломатии, дворцовая палата (Hofkammer) как высший финансовый орган и военный совет (Hofkriegsrat). Историки считают эту реформу одним из первых шагов к формированию будущей дунайской монархии, превращению наследственных габсбургских земель в единое государство и их административному отделению от остальных частей «Священной Римской империи».

В то же время централизаторские усилия короля натолкнулись на серьезное сопротивление сословий – крупных землевладельцев и зажиточных горожан, которые отстаивали свои привилегии и интересы, не всегда совпадавшие с интересами короны. На протяжении всего XVI века централизаторская политика Габсбургов, направленная на усиление власти монарха, противоречила интересам как крупных магнатов, так и мелкой шляхты (так называемой *gentry*), отношения которой с магнатами, прежде всего в Венгрии, приобрели характер связи клиентов с патронами. В более урбанизированных Чехии и Австрии в оппозиции к императорской власти находилось также зажиточное бюргерство. Вплоть до начала XVII столетия Габсбургам все же удавалось поддерживать баланс общественных сил – как отмечает английский историк Роберт Эванс, во многом потому, что в период, предшествовавший Тридцатилетней войне, «гуманизм династии преобладал над ее католицизмом. Равновесие между государями и сословиями и между католичеством и протестантизмом было хрупким, но существовало»²⁰.

В качестве заслона от турок на южных рубежах владений династии, в Хорватии и Воеводине (ныне северная Сербия), при Фердинанде I была создана так называемая Военная граница. Эти районы были выведены из-под юрисдикции хорватского сословного собрания (собора) и переданы в ведение императорского военного совета. Из местных жителей, по большей части хорватов, но отчасти и сербов, бежавших от турецкого ига, были набраны особые полувойсковые формирования – граничары (по-немецки *Grenzer*). Эти люди были освобождены от повинностей в обмен на пожизненную и наследственную военную службу императору (здесь можно провести определенную аналогию с русскими казаками на Дону, Кубани и Урале). Граничары сыграли выдающуюся роль как в многочисленных войнах Габсбургов с турками. Тем не менее надежно «закупорить» южные рубежи габсбургских владений они были не в состоянии. В результате бесконечных войн были опустошены обширные области, а разрыв между западной и восточной частью христианской Европы стал очевидным. За исключением чешских земель, весь регион в материальной сфере не мог сравниться с более развитыми западными странами. В культурной области разрыв, однако, был значительно меньшим.

²⁰ Цит. по: Wandycz P. *Stredni Evropa v dejinach, od stredoveku do soucasnosti*. Cena svobody. Praha, 1998. S. 67.

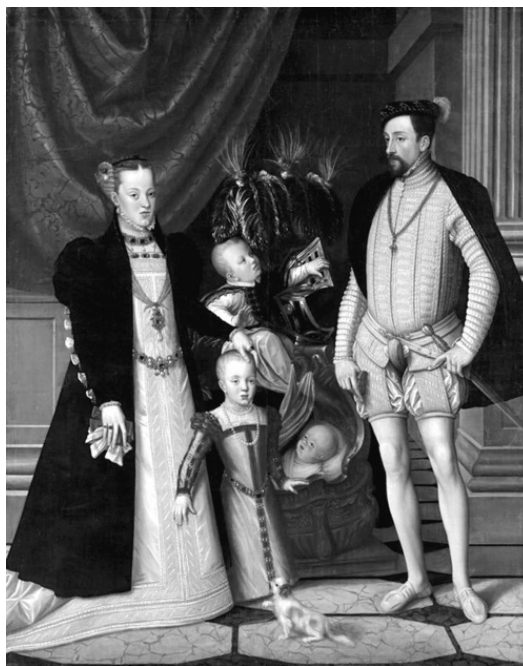
К концу правления Карла V Фердинанду удалось стать весьма влиятельной фигурой в Германии. Главным достоинством короля было то, что он понимал природу политики как «искусства возможного» и, в отличие от императора, никогда не увлекался несбыточной мечтой о всемирной монархии. За это, впрочем, его ждала расплата: Фердинанд был вынужден поделиться властью с курфюрстами, позволившими ему в 1558 году стать обладателем императорской короны. После официального признания Фердинандом I коллективной ответственности его и имперских князей за состояние дел в империи надежды на создание в Германии централизованной монархии рухнули. Для габсбургского дома это означало, что среди правящих немецких династий он по-прежнему *primus inter pares*, но не более. Таким образом, внимание Габсбургов переключалось с дел имперских на состояние их многочисленных наследственных владений. В то же время о Священной Римской империи Габсбурги никогда не забывали, и полностью отказаться от претензий на лидерство в немецких землях их заставили лишь прусские войска в войне 1866 года.

Фердинанд I вошел в историю бледной тенью своего великолепного, хоть и неудачливого брата. Карл и побеждал, и проигрывал торжественно, с достоинством, по большей части – на поле битвы. Неброский, тихий Фердинанд воевать не любил, сражениям предпочитал переговоры, а борьбе на уничтожение – разумный компромисс. Именно поэтому ему и удалось сделать то, чего безуспешно добивался Карл V – на долгое время обеспечить религиозный мир и сохранить единство империи.

* * *

Жарким летом 1564 года давно хворавший император Фердинанд скончался, и на престол «Священной Римской империи» вступил его старший сын Максимилиан II, ранее уже провозглашенный королем Венгрии и Чехии. Это был странный государь. Его религиозная терпимость, переходящая в равнодушие к предметам теологических и обрядовых разногласий между католиками и протестантами, представлялась людям XVI века чем-то из ряда вон выходящим.

Максимилиан утверждал, что он католик, но почти не появлялся на мессах. Среди его друзей было множество протестантов. Юность Максимилиана прошла в Австрии и Нидерландах и была весьма вольной: принц и его приятели охотно посещали турниры, где мерялись силой, часто устраивали пирушки, участвовали в карнавальных процессиях, а по ночам, скрывшись под масками, охотились на женщин и девушек. При этом Максимилиан не был легкомысленным: он знал множество языков, много читал, однако из прочитанного делал выводы, которые не могли не настораживать его отца и всю католическую партию. Ведь умозаключения эти сводились не только к неизбежности, но и к необходимости и благотворности религиозной и вообще духовной свободы. Опасения Фердинанда I были так сильны, что в письме сыну он предупреждал: «Верь мне, что если ты будешь и дальше вести себя так, как начал, то навсегда потеряешь свою душу, честь и репутацию...»

Портрет Максимилиана II с семьей.
Художник Джузеппе Арчимбольдо

Женитьба Максимилиана на двоюродной сестре, дочери Карла V – Марии, стала первым из серии брачных союзов, связавших австрийских и испанских Габсбургов. Брак по расчету неожиданно обернулся глубокой привязанностью, которую супруги сохранили до конца своих дней. Максимилиан явно «перебесился», и его семейная жизнь была весьма счастливой. Как и его отец, Максимилиан II имел множество детей, из которых выжили девять, в том числе шестеро сыновей. Интересно, что ни один из них не имел законнорожденных отпрысков, что и привело к пресечению старшей мужской линии Габсбургов – прямых потомков Фридриха III.

Некоторое время после свадьбы Максимилиан жил в Испании. Строгий и довольно унылый придворный церемониал, чопорность испанских вельмож, слишком жаркий климат – все выводило его из себя. К тому же отношения с Филиппом II, братом его жены Марии, у австрийского принца не сложились, ибо замкнутый и надменный Филипп был олицетворением испанской гордости, да и чрезмерная набожность кузена не слишком импонировала Максимилиану. Враждебность к Испании вылилась у Максимилиана в подчеркнутую «немецкость» его поведения и усилила его симпатии к протестантам. Император, побуждаемый фанатичным папой Павлом IV и Филиппом Испанским, потребовал от сына торжественной клятвы верности католической церкви. С политической точки зрения Фердинанд был прав: курфюрсты никогда не избрали бы императором некаатолика. Поколебавшись, принц сдался и помирился не только с отцом, но и с Филиппом, к которому несколько лет спустя даже отправил на воспитание двух своих сыновей – Рудольфа и Эрнста. Однако внутренне Максимилиан, несомненно, продолжал симпатизировать учению Лютера и поддерживал довольно тесные связи со многими протестантскими князьями. Это, в свою очередь, было политически верным шагом, поскольку давало королю, а затем императору возможность быть олицетворением религиозного компромисса и мира. Свое политическое кредо этот монарх-гуманист выразил так: «Религиозные споры, – писал он, – можно разрешить не силою меча, а лишь Божьим словом, христианским милосердием и справедливостью».

Это мнение, увы, разделяли немногие католики и протестанты. Император со своими терпимыми и гуманистическими взглядами оказался, с одной стороны, совершенно одинок, а с другой – недостаточно силен и политически изощрен, чтобы найти конструктивное реше-

ние сложнейшей задачи – долговременного сохранения единства и мира в империи. Осудив решение папы отлучить от церкви английскую королеву Елизавету I (1570), а затем столь же резко отозвавшись о Варфоломеевской ночи – резне гугенотов в Париже в августе 1572 года, Максимилиан II окончательно испортил отношения с Римом. Призывы к сдержанности, с которыми он обращался к Филиппу II, затеявшему войну с «еретиками» в Нидерландах, привели к новому австро-испанскому охлаждению. Делу не помогла даже женитьба Филиппа на одной из дочерей Максимилиана, Анне Австрийской, наконец-то подарившей испанскому королю наследника.

Таким образом, на протяжении всего своего относительно недолгого царствования Максимилиан II балансировал между католиками и протестантами, миром и войной, единством и хаосом. Попытка расширить владения Габсбургов провалилась: претензии Максимилиана на польский трон (1575) остались неудовлетворенными. Единственной политической задачей, которую императору удалось успешно решить, стало сохранение за Габсбургами императорской короны: в 1575 году его старший сын Рудольф был коронован римским королем.

Осенью 1576 года Максимилиан II созвал очередной рейхстаг в Регенсбурге. Тяжело больной, он еще успел произнести перед участниками имперского съезда речь, в которой в очередной раз призвал князей и сословия к согласию, порядку и миру. Закончив последнюю фразу, император потерял сознание, и слуги вынесли его из зала. Агония продолжалась несколько дней. Набожная императрица Мария в слезах умоляла мужа собороваться и исповедаться, как подобает доброму католику. «Мой исповедник – на небесах», – ответил Максимилиан. Так он и умер, унеся в могилу загадку своей подлинной веры. А поскольку историческая память человечества отличается странной избирательностью, и кровавых тиранов люди порой помнят дольше и почитают сильнее, нежели правителей-гуманистов, неудивительно, что в историю Максимилиан II вошел как доброжелательный, но слабый чудак, «странный» или «загадочный» император, облик которого теряется, с одной стороны, в тени великого предка – Карла V, а с другой – в зареве уже относительно недалекой Тридцатилетней войны.

Пражский затворник

Рудольф II (1576–1612) – самый «пражский» император из всех представителей габсбургской династии, и чешская столица не забывает государя, при котором она пережила свой второй расцвет (первым было царствование Карла IV Люксембурга в XIV веке). По преданию, незадолго до смерти, окруженный врагами, вынудившими его отказаться от чешской короны, Рудольф воскликнул, обращаясь к городу, где он провел большую часть жизни: «Прага, неблагодарная Прага, я принес тебе славу, а ты нынче отвергаешь меня, своего благодетеля...». Однако в своих бедах император должен был винить не «неблагодарный» город и его жителей, а главным образом самого себя. Ведь его долгое правление было несомненно незаурядным, весьма оригинальным и даже странным – словом, каким угодно, только не политически успешным.

Императорскую корону Рудольф получил в 24 года. Большую часть детства и юности он провел при дворе дяди, испанского короля Филиппа, и это усилило черты, присущие характеру Рудольфа, – замкнутость, склонность к меланхолии и одиночеству, несмелость в обращении с малознакомыми людьми (хотя в кругу близких друзей и тех, кто был ему интересен, Рудольф, по воспоминаниям современников, мог быть совершенно очаровательным, любезным и обаятельным человеком, чему немало способствовали его хорошие манеры и глубокая образованность). У Филиппа II, относившегося к племяннику с симпатией, будущий император перенял строгую приверженность испанскому придворному церемониалу, который в годы его правления активно внедрялся при габсбургском дворе.

Те же испанские корни, судя по всему, имел и католический консерватизм Рудольфа II, сильно отличавший его от либерального в религиозных вопросах Максимилиана II. Оставаясь католиком, Рудольф, однако, не был достаточно решительным и энергичным государем для того, чтобы встать во главе набравшей силу Контрреформации или хотя бы активно способствовать ее успехам. С одной стороны, благодаря такому бездействию императора на протяжении еще нескольких десятилетий Европе удавалось избежать крупномасштабного религиозно-политического столкновения. С другой же – нерешительность Рудольфа II, не сделавшего ничего как для начала войны, так и для укрепления мира, вела к тому, что болезнь загонялась вглубь, противоречия нарастали, и империя вместе с сопредельными странами неудержимо скользила к катастрофе.

Обладея крепким телосложением, Рудольф, однако, не мог похвастаться железным здоровьем, которое вдобавок подрывал пьянством. Алкоголь на время спасал его от меланхолии, приступы которой уже в молодости стали первыми признаками душевной болезни, очевидно, унаследованной императором от прабабки – Хуаны Безумной. С начала 1580-х годов его физические и душевные недуги переплетаются в трагический клубок, в котором почти невозможно разобрать, что было причиной, а что – следствием. Во всяком случае, тяга Рудольфа к затворничеству и все возрастающая апатия, не дававшая ему заниматься государственными делами, появились именно тогда.

В 1583 году император перебрался из Вены в Прагу – как оказалось, навсегда. Легко увидеть в этом бегство Рудольфа II от суеты двора, государственных забот и от людей вообще, что было свойственно этому странному государю. Впрочем, для переезда имелись и политические основания: в Чехии Рудольф был полновластным королем, в то время как значительная часть австрийских владений находилась к тому времени под управлением штирийских родственников императора, лишь номинально подчинявшихся главе габсбургского дома.

Прага при Рудольфе II стала настоящей Меккой для людей науки и искусства, а также тех, кто выдавал себя за таковых. В окружении императора были знаменитые астрономы Тихо Браге и Иоганн Кеплер, художники Бартоломеус Шпрангер и Джузеппе Арчимбольдо (его кисти принадлежит, наверное, самый странный портрет Рудольфа II, на котором лицо и фигура императора выложены из множества фруктов, цветов и растений), скульптор Адриан де Врис, множество ремесленников, ювелиров и, конечно, астрологов, алхимиков и колдунов, к деятельности которых император, несмотря на католическое воспитание, испытывал огромный интерес. Один из этих людей, некий англичанин Эдуард Келли, выдававший себя за мага, буквально околдовал Рудольфа своими обещаниями найти способ производить золото «столь же быстро, как курица клюет зерна». На подобные прожекты император не жалел сил и средств, хотя его финансовое положение далеко не всегда было блестящим.

Интересовался Рудольф и мистикой, в частности еврейским каббалистическим учением. Многочисленная еврейская община Праги при нем чувствовала себя весьма комфортно, практически не подвергаясь гонениям. (Однако еврейским погромам в других городах империи Рудольф II никак не препятствовал.) В эту эпоху возникло множество легенд и преданий, которые стали частью истории чешской столицы и придали ей загадочный, мистический оттенок. В XIX столетии эти легенды были литературно обработаны чешскими и немецкими авторами и получили большую популярность. Наиболее известная из них – история создания пражским раввином Лёвом глиняного великана Голема, который ожил после того, как раввин вложил в него свиток с магическими заклинаниями.

Рудольф II был крупнейшим меценатом и коллекционером своей эпохи. Он собирал драгоценные камни и ювелирные изделия, картины – в том числе Дюрера и Тициана – и древности из стран Востока, минералы и различные приборы, бывшие последним словом тогдашней техники, а также чучела редких зверей и птиц. Звери были на Градчанах не только в виде

чуел: император завел целый зоопарк, в котором содержались главным образом «благородные» животные, соответствовавшие высокому положению их хозяина, – орлы, львы, леопарды.

Впрочем, все эти увлечения могли лишь ненадолго вывести Рудольфа II из тягостного душевного состояния. Он страдал манией преследования, страшился яда и наемных убийц. Одиночество Рудольфа усугублялось отсутствием у него нормальной семьи. Сыновья Максимилиана II вообще отличались странным отвращением к институту брака. Из шести братьев женились только двое – Матиас (будущий император) и Альбрехт, оба в зрелом возрасте, причем их браки остались бездетными. Изабелла Испанская, дочь Филиппа II, была помолвлена с Рудольфом, но нерешительный император так долго тянул с заключением брака, что его младший брат Альбрехт, приехав в Мадрид, просто увел у Рудольфа 29-летнюю – далеко не молодую по тогдашним канонам – невесту. Впрочем, вряд ли император был очень огорчен этим: поговаривали, что многолетняя любовница, дочь придворного антиквара Катарина Страда, так привязала его к себе, что он и думать перестал о женитьбе.

* * *

Впрочем, в жизни этого аполитичного монарха случались периоды спонтанной политической и даже военной активности. Один из них пришелся на 1590-е годы – время очередной войны с турками. Несколько лет император, несмотря на отсутствие воинских навыков и полководческого таланта, пристально следил за ходом боевых действий и участвовал в командовании войсками. Главной ареной сражений стала Венгрия, где счастье попеременно улыбалось обеим сторонам. Армия Рудольфа II взяла крепости Дьёр и Эстергом, отбила у врага Пешт, однако Буда осталась в руках турок. К тому же венгерская шляхта снова разделилась на сторонников и противников императора, что было вызвано не в последнюю очередь суровой антипротестантской политикой имперского правительства. Мятежники провозгласили венгерским государем богатого землевладельца Иштвана Бочкая, который начал упорную борьбу против Рудольфа. Между тем войска султана опустошали Хорватию и придунайские области. Сложилось, по сути дела, патовое положение, и в 1606 году с турками и венграми был заключен мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.